

ВЛАДИМИР БОЯРИНОВ

А Я ПОДОЖДУ...

СТАРШИЙ БРАТ

*Памяти сестры Лидии
и брата Валерия*

Пью из гранёного стакана
И поминальную пою
О том, как три политикана
Украли родину мою.

Не подавились за кордоном,
Когда отрезали ломоть
Моей земли с крестовым домом,
Моей родовы кровь и плоть.

Своих границ нагородили,
Порвав державу на куски.
Возликовали, зачудили
Новопрестольные царьки.

БОЯРИНОВ Владимир Георгиевич родился в 1948 году на Алтае в селе Солдатово Восточно-Казахстанской области. Учился в Томском политехническом институте. В 1968 году в газете "Томский комсомолец" появилась дебютная подборка стихотворений. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал в издательствах "Современник", "Советская Россия", "Столица", "Ключ". Автор многих книг и журнальных публикаций. Председатель правления Московской городской организации Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ. В 2012 г. награждён медалью ордена "За заслуги перед Отечеством".

Не вдруг звезда с Кремля упала.
В краю, украденном вчера,
Не вдруг сестра моя пропала —
Пропала без вести сестра.

Забили вусмерть, загнобили,
Промыли косточки стократ —
В семипалатинской могиле
Обрёл покой любимый брат.

Как атом потрясал мандатом
На право жить и умирать,
Так здесь пугают старшим братом
Ополоумевшую рать.

Где наш орёл в державных высях
Нисходит по кругам утрат,
Я на плите могильной высек
Всего два слова:

“Старший брат”.

* * *

Вот они: лес и купава,
Где похоронена мать.
Глянул — и сердце упало!
Некому сердце поднять.

Долго ли будет пылиться?
Долго ли будет пылать?
Долго ли будет томиться:
Где похоронена мать?

Вот они: лес и купава,
Вот и сосновая рать.
Где моё сердце упало —
Там похоронена мать.

ЯДЕРНЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Белит комнату мама.
Белизна потолка
И белее тумана,
И белей молока.

Как под тем небосклоном
Перепёлка поёт.
Как над тем полигоном
Гриб из пекла встаёт.

Это вам не вполсилы
Целину поднимать,
Это вам не тротилы —
Это кузькина мать!

На шальные просторы
Вырывается дрожь.
Прямо к сусликам в норы
Осыпается рожь.

Клочья атомной пены
Суховой поволок.
Осыпаются стены,
И трещит потолок.

Белит комнату мама.
Белизна потолка
И белее тумана,
И белей молока.

Не промолвит ни слова
И не станет корить —
Прослезится и снова
Начинает белить.

— Что ты делаешь, мама?
— Потолочек белю.
— Что ты делаешь, мама?
— Христа ради терплю...

ЗАСТУПНИЦА

Я бегу. Полки разбиты.
Отступая налегке,
Укрываюсь от обиды
На заветном чердаке.

Здесь ветра свистят, как черти;
Здесь уже который год
После бабушкиной смерти
Богородица живёт.

Мы давно уже знакомы,
И, похожестью маня,
Всё глядит она с иконы,
Словно бабушка моя.

Пусть она меня в обиду,
Словно бабушка, не даст;
Пусть рассердится для виду
И прикрикнет: “Вот я вас!..”

ГРИШКА МЕЛИХОВ

Как лозняк, чихвостил Гришка
Беляков и коммунык.
“Сабли наголо — и крышка!” —
Приговаривал казак.

А без куража и риска
Разве станешь казаком?
Вот вопрос: каким бы Гришка
Оказался стариком?

Он, хлебнув с избытком лиха,
Снова бы не задурил?
Он сидел бы тихо-тихо
И махорочку курил?

Стал похожим бы на зайца
С переливом в седину?

Чтоб таким не оказаться,
Он и сгинул на Дону.

ЕСЛИ МИР НЕ СТАНЕТ ПЛОСКИМ

Стародавнему сказанью
Нет начала и конца.
Едет поезд под Рязанью,
Кто-то машет мне с крыльца.

Мы не знаем, не гадаем,
Но и через триста лет
Стенька Разин и Гагарин
Нам ещё помашут вслед.

Я ПОДОЖДУ

Звезда сорвалась и разбилась в осколки,
В крещенскую стужу алтайские волки
Отпели звезду.
Промёрзли кристальные млечные воды,
Свернули мережи кипучие годы,
А я подожду.

В глухой полынье утопилась удача,
Терпенье моё захлебнулось от плача
У всех на виду.
А счастье в соседнем дурдоме хохочет,
Всерьёз о кладбищенской доле хлопочет,
Но я подожду.

Любимая, если ты не заблудилась
И сердце в осколки ещё не разбилось,
Не смёрзлось во льду, —
Ты вспомни, как мы в полынью угодили,
Как медленно сани под лёд уходили, —
Ты вспомни, ты вспомни,
А я подожду.

Уходит ли время, уходим ли сами,
Как наши крылатые с песнями сани
Ушли на беду, —
Никто на стенания не отзовется,
Сквозь наши бураны никто не пробьётся...
Но я подожду.

АПОФЕОЗ

Художник беспощаден
И дерзок без вины:
Василий Верещагин.
“Апофеоз войны”.

Нет, не были ошибкой
От родины вдали
И “Скобелев под Шипкой”,
И горькое “Вошли”.

От всех других отличен
Несхожестью лица,
Он не реалистичен,
Он честен до конца!

Хвала и честь герою
Бессмертного полка
За правду, что порою
Бывает так горька!

РИСТАЛИЩА

Ристалища краеугольных вопросов
От первых зарниц и знамений красны:
— К барьеру! — кричали наследники россов.
— К чертям! — отвечали с донецких откосов.
— Опомнись, Шевченко! —
— Уймись, Ломоносов!
— Пресны ваши слёзы и вирши квасны!

Чернобыль распростёрся над сватом и братом.
Гори-догорай, горевая заря!
Кто семипалатинской выпечки атом
Пронёс втихаря по украинским хатам,
Хлеб-соль преломил и покрыл его матом?
Ищите-свищите того кобзаря!

Гори-догорай, горевая лучина!
Примолкли соседи, друзья не спасут.
Одним — от лампы.
Другим — триедино.
Молись, Мать-Россия!
Дивись, Украина! —
Славяне на Страшный собираются суд!